

УДК 81'33

DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.7

Научная статья

О. А. Михайлова¹

✉ allellia@mail.ru

¹Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Российская Федерация

Оппозиция «Жизнь – Смерть» в материалах регионального корпуса народной речи Среднего Прииртышья

Аннотация: В статье выявляется взаимосвязь концептов Жизнь и Смерть, репрезентированных в текстах регионального корпуса народной речи Среднего Прииртышья, с ключевыми константами традиционной речевой культуры. В материалах регионального корпуса народной речи Среднего Прииртышья отражена диалектная картина мира, в которой манифестируются ценности носителей говоров. Принцип тематической разметки текстов помогает реконструировать основные концепты, отражающие народную ментальность региона как часть национальной. Для выявления взаимосвязи концептов Жизнь и Смерть с другими концептами языкового сознания диалектоносителей был проведен концептуальный анализ констант, манифестируемых в тематически размеченных текстах корпуса народной речи. Исследование позволило смоделировать фрагмент диалектной картины мира, репрезентирующей ключевые категории, связанные с Жизнью и Смертью. Жители Среднего Прииртышья придают большое значение семье, дому, животным, здоровью и вере, а также ценят жизнь, которая должна быть здоровой и полноценной. Смерть считается неизбежной, но не вызывающей страха. Полученные в ходе исследования результаты могут быть использованы для более глубокого понимания народной ментальности в целом и ценностей региона в частности, а также могут быть полезны для диалектологических, этнографических, культурологических и корпусных исследований.

Ключевые слова: региональный корпус текстов, диалектология, аксиология, концептология, картина мира.

Дата поступления статьи: 24 мая 2023 г.

Для цитирования: Михайлова О. А. (2024) Оппозиция «Жизнь – Смерть» в материалах регионального корпуса народной речи Среднего Прииртышья. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 18, № 1, с. 73–82. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.7.

Scientific article

О. А. Mikhailova¹

✉ allellia@mail.ru

¹Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation

“Life and Death” opposition in the materials of the corpus of the Medium Irtysh region folk dialect

Abstract: The article reveals the relationship between the concepts of Life and Death, represented in the texts of the regional corpus of folk speech of the Medium Irtysh region, and the key constants of traditional speech culture. The materials of the regional corpus of folk speech of the Medium Irtysh region reflect the dialectal picture of the world, in which the values of speakers of dialects are manifested. The principle of thematic markup of texts helps to reconstruct the main concepts that reflect the folk mentality of the region as part of the national one. To identify the relationship between the concepts of Life and Death and other concepts of the linguistic consciousness of dialect speakers, a conceptual analysis of the constants of speech culture, reflected in thematically marked texts of the folk speech corpus, was carried out. The study made it possible to model a fragment of the dialectal picture of the world, reflecting the key categories associated with Life and Death. The inhabitants of the Medium Irtysh region attach great importance to the family, home, animals, health and faith, and also value life, which should be healthy and fulfilling. Death is considered inevitable, but not feared. The results obtained during the study can be used for a deeper understanding of the national mentality in general and the values of the region in particular, and they can also be useful for dialectological, ethnographic, cultural and corpus studies.

Keywords: regional corpus of texts, dialectology, axiology, conceptology, picture of the world.

Paper submitted: May 24, 2023.

For citation: Mikhailova O. A. (2024) “Life and Death” opposition in the materials of the corpus of the Medium Irtysh region folk dialect. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 18, no. 1, pp. 73–82. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.7.

© О. А. Михайлова, 2024

Введение

Для наблюдений и получения выводов в исследовании были использованы записи говорков, зафиксированные в ходе экспедиции 2015 года в Тарский район Омской области. Расшифровка аудиозаписей и тематическая разметка текстов были выполнены О. А. Михайловой. Общий объем проанализированных текстов составил 42 000 слов, из которых отобрано 86 контекстов, репрезентирующих концепты Жизнь и Смерть.

Жизнь и Смерть – фундаментальные категории, на представлениях которых базируется картина мира любого народа. Как отмечает Т. И. Вендина, наше восприятие жизни влияет на ценности и идеалы общества, «жизнь лишена смысла, смысл в нее вкладывает только человек» (Вендина, 2020, с. 277). Интерес людей к философским основам жизни отражается и в языке. М. Хайдеггер отмечал экзистенциально-онтологическое значение речи, замечая, что речь является бытийным фундаментом языка (Хайдеггер, 2003, с. 189).

«Концепт Жизнь (Жить) сохраняет концептуальный смысл ‘деятельное существование’ (существование в действии, жизнедеятельность)» (Колесов, 2019, с. 442). В то же время «ключевыми для любой культуры считаются представления о смерти, формирующие концептосферу диалектного языка» (Никифорова, 2015, с. 492).

Включенность концептов Жизнь и Смерть в аксиосферу культуры является одним из ключевых аспектов исследования как языковой, так и культурологической науки.

Аксиосфера описывает систему ценностей, которые определяют отношение людей к жизни и выражаются в языке и культуре, определяя взаимоотношения людей, их мировоззрение, этические нормы и стандарты. Концепты Жизнь и Смерть являются важными элементами аксиосферы и выступают в речи говорящих как преемственные категории. Они связаны с этикой, религиозными и культурными традициями. Эти концепты рассматриваются как ключевые смысловые единицы, которые определяют языковую картину мира человека или народа.

Аксиосфера неоднородна и включает в себя несколько ценностных ядер: нравственное, социальное, интеллектуальное и экзистенциальное. Концепт «жизнь» входит в экзистенциальное ядро (Марьянчик, 2013, с. 11–16). Жизнь и Смерть являются одними из наиболее значимых концептов в языковом сознании русского человека. Они «тесно связаны» и отражаются во многих языковых единицах, которые используются для описания различных аспектов человеческой жизни (Логинова, 2016, с. 123).

По справедливому замечанию Е. Н. Рядчиковой, концепт является результатом вербализации культурных, национальных и эмоциональных представлений человека о мире. Концепт отражает языковую картину мира народа (Рядчикова, Кушу, 2004, с. 231).

Жизнь для диалектоносителя часто воспринимается как коллективный опыт, связанный с его культурой, традициями и обществом. По словам М. А. Харламовой, «жизнь диалектоносителя скорее коллективна, чем индивидуальна» (Харламова, 2013, с. 182). Жизнь рассматривается не только как индивидуальный путь каждого человека, но и как путь существования общества, в котором он живет.

Для диалектоносителя жизнь может быть связана с семейными связями, общением с друзьями и соседями, участием в общественных мероприятиях и традиционных праздниках. Он может описывать свою жизнь в контексте своей родины, говорить о своих корнях и традициях. Таким образом, духовные и культурные традиции, передаваемые из поколения в поколение, играют значительную роль в формировании ценностей и представлений диалектоносителя о жизни и мире в целом.

Коллективный подход к жизни также может проявляться в отношении к смерти. Например, диалектоноситель может воспринимать смерть как переход в другой мир, где он будет соединен со своими предками и близкими. Он может рассматривать смерть не как конец жизни, а как начало нового этапа, где продолжится его связь с сообществом *своих*, т. е. носителей *своей* культуры и традиций. Жизнь и смерть тесно связаны между собой, и одно не может существовать без другого: жизнь определяется и ценится благодаря ощущению неизбежности смерти, а смерть, в свою очередь, воспринимается как естественное завершение жизни.

Таким образом, для диалектоносителя Жизнь и Смерть рассматриваются в контексте коллективного опыта, связанного с его культурой и традициями. Они помогают ему лучше понять свое место в обществе и продолжить связь с ним даже после смерти.

Проблема и цель

В центре нашего внимания – отражение констант Жизнь и Смерть в диалектной картине мира, репрезентированной в региональном корпусе народной речи Среднего Прииртышья, и выявление связи универсальной антиномии *жизнь-смерть* с ключевыми константами традиционной речевой культуры.

Методология

Общенаучные методы наблюдения и классификации были использованы для сбора и квалификации исходных материалов. На основе наблюдений за народной речью, отраженной в тематически размеченных материалах корпуса, была собрана информация о том, как представления о жизни и смерти объективируются в диалектной культуре Среднего Прииртышья. Метод анализа словарных дефиниций был использован для выявления семантики слов, связанных с концептами Жизнь и Смерти. Были проанализированы дефиниции ключевых слов в словарях с целью маркирования восприятия жизни и смерти в разные исторические эпохи. Методы лексико-семантического и контекстуального анализа позволили проанализировать значения лексических единиц, репрезентирующих концепты в контексте современной устной речи. Метод описания был использован для характеристики содержания текстов народной речи и для формулирования выводов о взаимосвязи концептов Жизнь и Смерть с другими концептами речевой культуры. Метод концептуального анализа был использован для реконструкции связанного с концептами Жизнь и Смерти фрагмента картины мира жителей Среднего Прииртышья.

Результаты

Тексты в региональном корпусе народной речи Среднего Прииртышья распределяются по темам и подтемам с помощью специальных тегов, сама разметка имеет иерархическую структуру. Устная речь представлена в фонетической орфографии, что позволяет лучше передать своеобразие говоров полиэтнического региона. В текстах присутствует просодическая и дискурсная разметки (Лавров, Харламова, Костюшина, 2018).

Для определения границ семантического поля нужно выделить компоненты лексического значения анализируемых лексем. Рассмотрим значения слов *жизнь* и *смерть*, отраженные в этимологическом и толковом словарях, словаре древнерусского языка и в «Словаре русской ментальности».

Этимология слова *жизнь* показывает, что слово существовало в трех значениях: «жизнь как процесс», «жизнь как часть тела (живот)» и «жизнь как средства к жизни, имущество, имение». Старославянское слово *жить* соотносилось с литовским *gyti* «выздоровливать, заживать» (Фасмер, 1968, с. 52–57). Таким образом, слово *жизнь* имеет семантическую соотнесенность со словами *дом*, *здоровье*. В «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского *жизнь* также имеет несколько толкований. Жизнь как процесс, образ жизни, живое существо, оживление, имущество (Срезневский, 1893, с. 872–873). Слово *живот* также связано с жизнью как процессом, животным и имуществом (Срезневский, 1893, с. 867–869). В толковом словаре *жизнь* соотносится с «совокупностью явлений, происходящих в организмах», «физиологическим существованием всего живого», «периодом существования», «деятельностью общества (семейная жизнь)», «оживление, полнота сил» (Ожегов, Шведова, 2006, с. 194). В «Словаре русской ментальности» *жизнь* рассматривается как «духовная сторона бытия», «развитие личности в обществе». В. В. Колесов подчеркивает, что «жизнь в русской языковой картине мира активна и агрессивна, в отличие от пассивности самого человека, который подчиняется жизни и может только пожаловаться на нее» (Колесов, 2014, с. 264–267).

Анализ словарных дефиниций позволяет выявить в слове *жизнь* семы 'процесс', 'здоровье', 'полнота сил', 'дом', 'духовность'.

Этимология слова *смерть* связана с понятием «благой смерти», то есть естественной смерти (Фасмер, 1987, с. 685-686). В словаре древнерусского языка слово *смерть* соотносится с «прекращением жизни», «мором» и «погибелью» (Срезневский, 1912, с. 760–761). В толковом словаре встречаем несколько определений: «прекращение жизнедеятельности», «конец, полное прекращение деятельности» (Ожегов, Шведова, 2006, с. 735). Словарь русской ментальности отражает связь смерти с «бесповоротной гибелью и невозполнимой утратой, влекущей за собой скорбь. При этом собственной смерти принято не бояться, так как она ощущается закономерным этапом бытия, отдыхом после тяжелой жизни» (Колесов, 2014, с. 267–269).

Проанализировав определения, выделим следующие семы, дифференциальные для лексического значения слова *смерть*: 'прекращение существования', 'утрата', 'болезнь', 'неизбежность'.

Сопоставление выявленных сем слов *жизнь* и *смерть* показало, что данные члены оппозиции находятся в тесной семантической связи: наличие одной реалии исключает наличие другой. Так, если *жизнь* связана со здоровьем и полнотой сил, то *смерть* – с болезнью и прекращением существования.

Рассмотрим фрагменты текстов, содержащиеся в материалах корпуса народной речи Среднего Прииртышья, выделим темы, связанные с *Жизнью* и *Смертью*, позволяющие обнаружить связь антиномии *жизнь-смерть* с ключевыми концептами традиционной речевой культуры.

Одним из основных концептов культуры является Семья. Каждый человек отождествляет свою жизнь с жизнью своей семьи, своего рода. Диалектоносители, вспоминая своих родных, часто сосредотачиваются не на каких-либо конкретных случаях из их совместной жизни, а скорее подводят итог прожитым годам:

</жизнь> Фсю сваю жысть расказываю // </семья:некровное_родство>Канешна тижыло / кагда пахаранила мужа / очинь тижыло // Пражыла я гаварю / как у-Христа за-пазухай // У-иво бал'шая рад'ня / ф-Ташкенти были / чытыри раза ф-Ташкенти была / горат Ирбит эта маиво мужа // Там были / ф-Свердлафски были / горат Гусь Хрустал'ный пад-Масквой // Там два девиря живут у-миня // В-опцим я с харошай симьёй пражыла дифчята // <семья:некровное_родство/> Был-бы муш / я-бы ни-плакала / он никагда ни-абижал / никагда / никагда / што буду гаварить / зря никагда ни-скажу // <жизнь/> (Лаврентьева К. П., 1935 г. р., 80 л., жен., старожильческий говор).

Носительница говора использует оценочную лексику в своих рассуждениях. В то время, когда муж был жив, она жила *как у-Христа за-пазухай, с харошай симьёй*. Период жизни после смерти мужа информант воспринимает как очень тяжелый: *Был-бы муш / я-бы ни-плакала*. Важно заметить, что для респондентки существенно отметить, что муж *никагда ни-абижал*. В этом проявляется смена взглядов на отношения в семье, что подтверждается и другими исследованиями, в которых рассматриваются как примеры страха жен перед мужьями (Морозов, 2016, с. 45–46), так и примеры равноправных отношений в семьях, где оба супруга были рождены после 1916 года (Волошина, Демешкина, Толстова, 2021, с. 57).

Частотна в диалектном дискурсе репрезентация неразрывной связи концепта *Жизнь* с константой *Семья*. Оценка собственной жизни основывается на оценке семейной жизни:

*</вопрос>Расскажите нам, как вы жили?<вопрос/>
</жизнь>Ой мила мая! // Жыли-та // А щяс я вам раскажу // </семья:некровное_родство> Молодась / молодась я с-мужым харашо пражыла / сорок шэсь лет с-мужым пражыла // <семья:некровное_родство/> <жизнь/>* (Лаврентьева К. П., 1935 г. р., 80 л., жен., старожильческий говор).

Часто при оценке своей жизни диалектоносители ссылаются на жизнь с супругом, что показывает важность хороших отношений с некровными родственниками. Пространство жизни носительница говора обычно делит на периоды «детство – молодость – старость», где детство связано с родителями, молодость – с женой или мужем, а старость – с одиночеством.

Воспоминания о родителях часто пересекаются с темой смерти. Отвечая на вопрос о месте рождения родителей, респондент сразу же говорит о смерти матери, не отвечая на вопрос. Факт смерти близкого человека значим для истории семьи:

</вопрос>А родители ваши откуда? Расскажите про родителей. <вопрос/>

</семья:кровное_родство> Родители/ я-мац свою радную вопще не-знаю/<семья:кровное_родство/> </смерть> она умерла я мален'ка была/<смерть/> (Коппель Р. А., 1925 г. р., 90 лет, жен., рус.-эстон. говор).

«Уход на тот свет» близких родственников осознаётся диалектоносителями как личное горе. Носитель говора воспринимает смерть родных как трагичное в своей жизни событие:

</семья:кровное_родство> </смерть>

Ой!// Фсе ушли на-тот свет и миня бросили // Брат помир рана / ф-сорак лет // Систра умирла ф-шысят где-та шэсь лет / тожы даяркай работала // И а фтарая систра памирла ужэ ф-семисят девить лет / семис вас'мой шол // <смерть/> <семья:кровное_родство/> (Демидович М. Ф., 1936 г. р., 79 л., жен., старожильческий говор).

Семья осознаётся человеком существующей нераздельно, поэтому речь репрезентирует отношение диалектоносительницы к жизни как к одинокому существованию без родных, которые *ушли на-тот свет и миня бросили*.

Таким образом, элементы повествования о семейных отношениях пересекаются с повествованием о жизни и смерти, что отражает важность этих сфер в традиционной культуре Среднего Прииртышья. Сквозь призму антиномии *жизнь-смерть* носители говоров полиэтнического региона воспринимают мир и оценивают его.

Пространство *жизни* и *смерти* неотделимо от пространства *дома*. Само понятие *дома* имеет глубоко символическое значение, которое тесно связано с историческими и культурными традициями. В следующем фрагменте текста описывается жизненный путь семьи, где брак и развод рассматриваются как взаимосвязанные события, а жизненный путь определяется местом жительства:

</вопрос>Вы там родились?< вопрос/>

</жизнь>Там радилася / </брак_развод>выхадила замуш в-заимку // Читыри киломитра ат-сей диревни // Пражыли семь лет / а-патом начались / <дом:строительство>дом паставили свой новый // В-ыюни вышла / а в-атябре паехали лес гатовить // <дом:строительство/> Как в-диревни жыть / вмес'ти тожы ни-жывут / как-ы-щяс / так-ы-ран'шы // Ран'шы вмес'ти тожы ни-жыли // <брак_развод/> <жизнь/> (Демидович М. Ф., 1936 г. р., 79 л., жен., старожильческий говор).

Коллективный подход к жизни отражен в рефлексии диалектоносительницы о том, что ни сейчас, ни раньше *вмес'ти тожы ни-жыли*. Жить вместе в деревне означает уважать общие правила, традиции и обычаи, сохранять единство и мир среди родных и соседей. Данный подход к жизни отражает глубокие корни традиционной народной культуры. Поэтому распад семьи, развод приводит к распаду пространства общего дома, а затем – к переезду.

Своеобразный дом ждет человека и после смерти. При этом пространство дома жизни и дома смерти могут не совпадать:

</вопрос>А где жили ваши родители?<вопрос/>

</семья:кровное_родство> Ф-Чиченива / ани чиченифскиш /<смерть> радитили там-ы-помирли / там-ы-пахаронины ане / <семья:некровное_родство/> и муш пахарониный ф-Чиченива // З'десь скоро помир / а-рас ивоньи радитили там пахаронины тожы / и маи радитили там /<семья:кровное_родство/> и ивоньи там ф-Чичениви / и иво туда увизли /<семья:некровное_родство/> и я туда / уеду тожы / мне ужэ там тожы места есь //<смерть/> (Демидович М. Ф., 1936 г. р., 79 л., жен., старожильческий говор).

Определяющим для осознания диалектоносителем своего дома является близость семьи. Муж информанта *з'десь скоро помир*, после смерти *иво туда увизли*, потому что *ивоньи радитили там пахаронины*. Таким образом, человек может выбрать пространство для жизни и воспринимать его как дом, если рядом находится семья. Свой дом после смерти респондент осознает еще

при жизни: дом там, где находится семья. В этом отражается стремление к коллективной жизни и после смерти. Как и для многих людей в других регионах, семья и дом могут служить символом личной и национальной идентичности. В целом связь между концептами Смерть и Семья у диалектоносителей заключается в том, что они считают, что смерть не разрушает отношений с родственниками и близкими людьми, а, наоборот, укрепляет связь с семьей. Это позволяет носителям говора смотреть на смерть не как на окончание жизни, а как на переход в другой мир. В связи с этим они не опасаются смерти, а скорее ждут ее, воспринимают как неизбежный процесс.

Диалектоноситель причисляет к членам своей семьи всех, кто связан с ним пространством *единого дома*. Поэтому закономерным является связь концепта Смерть с подтемой <животные:домашние>:

</животные:домашние> *Ооо/ скол'ка я диржала// Скол'ка я диржала/ стол'ка никто ни-диржал (смеётся)/и па-две// </жизнь>Ано у-миня фсё вилось/ никада цыплёнка ни-пагибла как-та у-миня// <жизнь/> <животные:домашние/>* (Спорыш В. Н., 1938 г. р., 77 л., жен., рус.-белор. говор).

В то же время в текстах корпуса, включающих эту подтему, находит свою реализацию сема 'имущество', так как носители говора часто говорят о животных как об имуществе («держат» животных):

</вопрос> *Вы сказали, что куры пропадали. В смысле, умирали?<вопрос/>*

</смерть> </животные:домашние> *Ну/ как-ччлавек умирает/ ну-а-мы-уш/ куры прападают/ так-вот/ по-калхознаму// <животные:домашние/> <смерть/>* (Демидович З. С., 1935 г. р., 79 л., жен., старожильский говор).

Этот фрагмент показывает рефлексию носительницы говора, связанную с выбором лексики. Жизнь и смерть животных не отождествляется с жизнью и смертью человека, а воспринимается более обыденно.

Анализ лексики, объективирующей в высказывании жизнь или смерть животных, показывает, что информанты часто употребляют такие слова, как *водиться (жить)* и *погибать, пропадать (умирать)*, когда говорят о домашних животных. В разговоре о смерти людей респонденты употребляют глаголы *умирать, помирать, уходить*:

</вопрос>*А как её зовут (кошку)?<вопрос/>*

</животные:домашние> *Ася // </смерть>Мне катора памирла падрушка принисла иё када / дет помир // Харанили / и был Ромка / Ромкай звали белава ката // Он ушол з-дому фси-равно / ушол на-Ленина и там иво машина иво задавила // Я тут иво ишшу па-краю / а патом мне сказала што машина задавила иво //<смерть/> Тада принисла Галина Григоривна мне / назвала иё / Асий будим звать / ну-давай Асий будим звать иё какая раз'ница // Вот ///животные:домашние/>* (Демидович М. Ф., 1936 г. р., 79 л., жен., старожильский говор).

Текст этого фрагмента помогает увидеть связь в сознании диалектоносителя смерти мужа и смерти кота: когда *дет помир*, кот *ушол з-дому фси-равно*. Говоря о появлении нового домашнего животного, респондент вспоминает о том, как ушел его предыдущий питомец. Для диалектоносителей смерть животного часто ассоциируется со смертью людей. Они видят в этом связь, которая напоминает им о том, что все живое имеет свойство умирать. Таким образом, взаимосвязь констант Жизнь и Смерть с темой *животные* отражается в языке и культуре жителей Среднего Прииртышья, репрезентированной в региональном корпусе.

В текстах корпуса народной речи содержится большое количество фрагментов, в которых Жизнь ассоциируется со здоровьем, а Смерть – с болезнью:

</болезнь> *Инвалитских плотят две / две тыщици // Если у-миня инфарт / падрят была два инфарта / послы деда / как-та асталася жывая ищё // И эта / сумели врачи / вот / асталася жывая //<болезни/> </смерть>Жыву и думаю / фсе ушли две сестры ушли / брат ушол / муш ушол / ну радители как-эта ужэ закон фсё время паран'шэ им нада ухадить / памален'ку жыву //<смерть/>* (Демидович М. Ф., 1936 г. р., 79 л., жен., старожильский говор).

В этом высказывании отражается противопоставление жизни и болезни. Информант замечает, что, несмотря на два инфаркта, *как-та асталася жывая ищѣ*. Жизнь является чем-то закономерным. Так как речевой жанр автобиографического рассказа «характеризуется нарушением хронологической последовательности событий, наличием отступлений от главного повествования» (Волошина, 2010, с. 9), тема *болезни* в тексте пересекается с темами *смерти*: респондент перечисляет всех умерших родственников. Текст отражает и «закон жизни»: *ну радитили как-эта ужэ закон фсѣ время паран'шэ им нада ухадить*. В представлении жительницы Среднего Прииртышья сначала должны *уходить* старшие члены семьи.

Следующий фрагмент показывает нам другое отношение к жизни. Плохое здоровье отрицательно сказывается на качестве жизни, поэтому диалектоносительница воспринимает жизнь как испытание, утверждая, что жизнь ей надоела:

</жизнь> </здоровье> *Ой/ а-знаеш как надоесть эта жысть/ канешнѣ/ фсѣ болит и-фсеми ночами ни-сплю тожэ//<жизнь/> <здоровье/>* (Коппель Р. А., 1925 г. р., 90 лет, жен., рус.-эстон. говор).

Можно сделать вывод, что концепты Жизнь и Смерть взаимосвязаны с темами *болезнь* и *здоровье*. Старость сопровождается болезнями, которые влияют на работоспособность и восприятие жизни. Фрагменты, включающие в себя темы *здоровье* и *болезнь* часто маркированы оценочной лексикой. Информант воспринимает *болезнь* как явление, приближающее его к смерти, а смерти он может или бояться, или ждать.

В следующем контексте можем увидеть нейтральное отношение к смерти. Диалектоносительница подчеркивает, что смерть близких принесла ей много страданий, но при этом отмечает, что смерть не вызывает у нее чувства страха:

</семья:кровное_родство> </вера>

А Петя ходит / фсигда ставит свеч'ку // Баба / я пашол ф-цэркафѣ за-тваих радитилей //<вера/> </смерть> Я канешна плоха // Муш на-маих руках помир / мама на-маих руках памирла // Сынок тожы на-маих руках // Пять грабоф тол'ка из-дому вынисла // Смерти я никагда ни-баялась / и ни-баюсь никагда // <смерть/> (Лаврентьева К. П., 1935 г. р., 80 л., жен., старожильческий говор).

Концепт Смерть может пересекаться с темой *вера*. Вера помогает человеку переживать смерть близких, это отражается во фрагменте *Петя ходит / фсигда ставит свеч'ку // Баба / я пашол ф-цэркафѣ за-тваих радитилей*. Такие религиозные традиции помогают человеку позаботиться об умерших членах семьи, позволяют повлиять на благополучие своего рода и при жизни, и после смерти. Вера помогает человеку смириться с идеей смерти и не бояться ее.

Отношение к смерти может быть индивидуальным и зависеть от многих аспектов: культурных, религиозных и эмоциональных. Следующий фрагмент демонстрирует негативное отношение респондента к своей современной жизни и желание скорого наступления смерти:

</вопрос> *Ну до юбилея дожить надо. < вопрос/>*

</жизнь> *Ой/ ни-хачу/ да зачем эта-жэ ни-жызьнь а проста абуза для-людей / вот/ и мне нада и пастирать/ и там/ и приготовить/ и вымыть/ ну и фсѣ эта нада//<жизнь/>* (Петрович А. П., 1926 г. р., 89 л., жен., рус.-польск. говор)

Связь болезни с тоской, причиной которой выступает духовное стеснение, подчеркивали многие исследователи (Мусатаева, Котлярова, 2022, с. 98, 105–106). Информант понимает, что старость связана с немощью, воспринимает себя как обузу для людей, испытывает стеснение из-за того, что не может обойтись без посторонней помощи по хозяйству. В связи с этим в ее речи возникает тема ожидания смерти. Смерть при этом воспринимается как избавление от слабости и немощности.

Некоторые диалектоносители относятся к жизни как к высшей ценности. Они смиряются с потерей близких и одиночеством и ценят свою жизнь:

</вопрос> *И внуки уже есть?<вопрос/>*

</семья:кровное родство> Две внуч'ки и-два внука и-четыри праўнука// Я багатая/ чытыри праўнука ужэ/ да// <семья:кровное родство/>

</вопрос>Часто приезжают?<вопрос/>

</семья:кровное родство>Та-кто туперь пришжяит/ када пен'сия пришжяют/ када пен'сия пришжяют //<семья:кровное родство/> </семья:некровное родство> Двинацать лет мужа нету/ адна//<семья:некровное родство/> </животные:домашние> Он ни-захател карову/ диржал/ здал// А-я тут-жы пиризилавала/ пашла купила/ я люблю за-скатинай хадить и за-фсем//<животные:домашние/> </жизнь>А патом здесь мне дали (квартиру)/ я очинь давол'на/ очинь/ тол'ка-бы пражыть пабол'шы//<жизнь/> (Спорыш В. Н., 1938 г. р., 77 л., жен., рус.-белор. говор)

Фрагмент текста содержит размышления респондента о жизни и смерти, а также об ощущении одиночества. Говорящая воспринимает своих правнуков как богатство, но понимает их в некоторой степени прагматический интерес к себе: близкие ккада пен'сия пришжяют. Но, несмотря на одиночество и обиду на близких, диалектоносительница хочет тол'ка-бы пражыть пабол'шы. Из этого можно предположить, что семья не всегда может влиять на любовь к жизни. Восприятие жизни зависит от разных факторов: отношения с близкими, возраста, состояния здоровья, культурного и социального контекста и собственных взглядов. Смерть, как и жизнь, может вызывать различные эмоции и чувства, и они могут оказывать влияние на восприятие жизни в целом.

Оценочные категории, связанные с жизнью и смертью, присутствуют в речи практически всех наших информантов и манифестированы в проанализированных высказываниях из регионального корпуса. В диалектном дискурсе обнаружены как мелиоративные, так и пейоративные оценки жизни и смерти. Одни информанты отмечают, что жизнь и смерть – это нечто естественное и что не стоит бояться последней. Однако другие видят в жизни и смерти только страдание и утраты.

Таким образом, полагаем, что оценочные категории, связанные с жизнью и смертью, являются релевантными для сельских жителей Среднего Прииртышья, и жизнь в той или иной мере определяют наши представления об этих понятиях.

Выводы

На основе анализа лексики, репрезентирующей в тематически размеченных текстах регионального корпуса народной речи Среднего Прииртышья концепты Жизнь и Смерть, определен ценностный компонент диалектной картины мира полиэтнического региона. Концепт Жизнь в диалектном дискурсе выявляет такие признаки, как «близкие родственники», «общность дома», «детство – молодость – старость», «домашние животные», «хорошее здоровье». Концепт Смерть маркирован признаками: «близкие родственники», «общность дома» (дом в представлении диалектоносителей есть и после смерти), «утрата сил, работоспособности», «слабое здоровье», «страх», «смирение». Выявлена связь оппозиции жизнь – смерть в сознании респондентов с константами Семья, Дом, Пространство, Животные, Здоровье, Болезнь, Вера.

Исследование позволило смоделировать фрагмент диалектной картины мира на основе анализа репрезентантов констант, извлеченных из тематически размеченных текстов регионального корпуса народной речи. Жители Среднего Прииртышья ценят жизнь и придают значимость семье, дому, животным, здоровью и вере. Они считают, что жизнь должна быть здоровой и полноценной, а смерть неизбежна и не должна вызывать страх. Для диалектоносителей важно иметь тесную связь с семьей, при этом важны как родители, так и дети, внуки и правнуки. Дом считается важным пространством, где семья может чувствовать себя защищенной. Пространство дома ограничено и связано с конкретным местом, где живет род человека. Не менее значимым оказывается и пространство, где похоронены близкие родственники, что составляет неотъемлемую часть жизни, только жизни в другом мире. Кроме того, животные входят в круг семьи и сопутствуют человеку на протяжении всей жизни, а уход за ними является важной частью

успешной и счастливой жизни. Здоровье имеет высокую ценность, нездоровье плохо влияет на качество жизни и может влиять на отношение к ней. Жители Среднего Прииртышья верят в Бога, вера помогает пережить смерть близких и справиться с трудностями.

Диалектная картина мира, репрезентированная в региональном корпусе, отражает нацеленность жителей Среднего Прииртышья на сохранение традиционных ценностей с уклоном в сторону связей между поколениями, уважением к дому и жизни как ценностным категориям.

Источники

- Вендина Т. И. (2020) Антропология диалектного слова. М.; СПб., Нестор-История, 684 с.
- Волошина С. В. (2010) Речевой жанр автобиографического рассказа (на материале диалектной речи). Вестник Томского государственного университета. Филология, № 2, с. 5–10. DOI: 10.18500/2311-0740-2019-1-21-42-48.
- Волошина С. В., Демешкина Т. А., Толстова М. А. (2021) Концепт «Семья» в устных автобиографических рассказах жителей Сибири. Текст. Книга. Книгоиздание, № 27, с. 39–68. DOI: 10.17223/23062061/27/3.
- Колесов В. В. (2019) Основы концептологии. СПб., Златоуст, 776 с.
- Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. (2014) Словарь русской ментальности в 2-х т. СПб., Златоуст, Т. 1, 592 с.
- Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. (2014) Словарь русской ментальности в 2-х т. СПб., Златоуст, Т. 2, 592 с.
- Лавров Д. Н., Харламова М. А., Костюшина Е. А. (2018) Представление разметки корпуса народной речи Среднего Прииртышья. Математические структуры и моделирование. № 4, с. 85–91. DOI: 10.25513/2222-8772.2018.4.84-90.
- Логинова М. М. (2016) Структура концептов «Жизнь» и «Смерть» (на материале русских пословиц). Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева, № 1, с. 117–123.
- Марьянич, В. А. (2013) Аксиологичность и оценочность медиа-политического текста. М., Книжный дом «Либроком», 272 с.
- Морозов Н. М. (2016) Ментальность кузнецких крестьян (конец XVIII – первая половина XIX века). Статья II. Установки в семейной жизни. Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств, № 35, с. 43–48.
- Мусатаева М. Ш., Котлярова И. В. (2022) Моделирование эмоциональных концептов «Тоска», «Грусть», «Печаль», «Горе». Вестник Томского государственного университета. Филология. № 75, с. 94–119. DOI: 10.17223/19986645/75/5.
- Никифорова О. В. (2015) Лексическая объективация народных представлений о смерти в нижегородских говорах. Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, с. 489–492.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. (2006) Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М., ООО «А ТЕМП», 944 с.
- Рядчикова Е. Н., Кушу С. А. (2004) Концепты как отражение менталитета народа и его языковой картины мира. Наука-2004. Ежегодный сборник научных статей молодых ученых и аспирантов Адыгейского государственного университета. Майкоп, с. 228–245.
- Срезневский И. И. (1893) Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3-х т. Т. 1. СПб., 771 с.
- Срезневский И. И. (1912) Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3-х т. Т. 3. СПб., 996 с.
- Фасмер М. Р. (1968) Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. Т. 2. М., Прогресс, 672 с.
- Фасмер М. Р. (1987) Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. Т. 3. М., Прогресс, 832 с.
- Хайдеггер М. (2003) Бытие и время. Харьков, Фолио, 503 с.
- Харламова М. А. (2013) Народное восприятие жизни в лексикографической проекции. Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований, № 2, с. 181–191.

References

- Vendina T. I. (2020) Antropologiya dialektного slova [Anthropology of the dialect word]. Nestor-Istoriya, Moscow; St. Petersburg, 684 p. (In Russian).
- Voloshina S. V. (2010) Rechevoj zhanr avtobiograficheskogo rasskaza (na materiale dialektnoj rechi) [The speech genre of an autobiographical story (on the material of dialect speech)]. Tomsk State University Journal of Philology, no. 2, pp. 5–10. DOI: 10.18500/2311-0740-2019-1-21-42-48 (In Russian).
- Voloshina S.V., Demeshkina T.A., Tolstova M.A. (2021) Koncept «Sem'ya» v ustnyh avtobiograficheskikh rasskazah zhitelej Sibiri [The concept of "Family" in the oral autobiographical stories of the inhabitants of Siberia]. Text. Book. Publishing, no. 27, p. 39–68. DOI: 10.17223/23062061/27/3 (In Russian).
- Kolesov V. V. (2019) Osnovy konceptologii [Fundamentals of conceptology]. Zlatoust, St. Petersburg, 776 p. (In Russian).

- Kolesov V. V., Kolesova D. V., A. A. Haritonov (2014) Slovar' russkoj mental'nosti v 2-h t. [Dictionary of Russian mentality in 2 volumes]. Zlatoust, St. Petersburg, Vol. 1, 592 p. (In Russian).
- Kolesov V. V., Kolesova D. V., A. A. Haritonov (2014) Slovar' russkoj mental'nosti v 2-h t. [Dictionary of Russian mentality in 2 volumes]. Zlatoust, St. Petersburg, Vol. 2, 592 p. (In Russian).
- Lavrov D. N., Kharlamova M. A., Kostyushina E. A. (2018) Predstavlenie razmetki korpusa narodnoj rechi Srednego Priirtysh'ya [Representation of the markup of the corpus of folk speech of the Middle Irtysh region]. *Mathematical Structures and Modeling*, no. 4, pp. 85–91. DOI: 10.25513/2222-8772.2018.4.84-90 (In Russian).
- Loginova M. M. (2016) Struktura konceptov «Zhizn'» i «Smert'» (na materiale russkih paremij) [The structure of the concepts “Life” and “Death” (based on Russian proverbs)]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva – Bulletin of Volga University named after. V. N. Tatishcheva*, no. 1, pp. 117–123 (In Russian).
- Mar'yanchik, V. A. (2013) Aksiologichnost' i ocenochnost' media-politicheskogo teksta [Axiological and evaluative media-political text]. *Knizhnyj dom «Librokom»*, Moscow, 272 p. (In Russian).
- Morozov N. M. (2016) Mental'nost' kuzneckih krest'yan (konec XVIII – pervaya polovina XIX veka). Stat'ya II. Ustanovki v semejnoy zhizni [The mentality of the Kuznetsk peasants (the end of the 18th – the first half of the 19th century). Article II Attitudes in family life]. *Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts*, no. 35, pp. 43–48 (In Russian).
- Musataeva M.S.H., Kotlyarova I.V. (2022) Modelirovanie emocional'nyh konceptov «Toska», «Grust'», «Pechal'», «Gore» [Modeling of emotional concepts “Melancholy”, “Sadness”, “Sadness”, “Grief”]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. № 75*, pp. 94–119. DOI: 10.17223/19986645/75/5 (In Russian).
- Nikiforova O.V. (2015). Leksicheskaya ob"ektivaciya narodnyh predstavlenij o smerti v nizhegorodskih govorah [Lexical objectification of folk ideas about death in Nizhny Novgorod dialects]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, (2-2), pp. 489–492. (In Russian).
- Ozhegov S.I., Shvedova N.YU. (2006) Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskij vyrazhenij. Rossijskaya akademiya nauk. Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova. 4-e izd., dopolnennoe [Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions. The Russian Academy of Sciences. Institute of the Russian Language. V. V. Vinogradov. 4th ed., updated]. *OOO «A TEMP»*, Moscow, 944 p. (In Russian).
- Ryadchikova E. N., Kusu S. A. (2004) Koncepty kak otrazhenie mentaliteta naroda i ego yazykovoj kartiny mira [Concepts as a reflection of the mentality of the people and their linguistic picture of the world]. *Nauka-2004. Ezhegodnyj sbornik nauchnyh statej molodyh uchenyh i aspirantov Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Majkop*, pp. 228–245. (In Russian).
- Sreznevskij I. I. (1893) Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam: v 3-h t. T. 1 [Materials for the dictionary of the Old Russian language according to written monuments: in 3 volumes. Vol. 1]. St. Petersburg, 771 p. (In Russian).
- Sreznevskij I. I. (1912) Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam: v 3-h t. T. 3 [Materials for the dictionary of the Old Russian language according to written monuments: in 3 volumes. Vol. 3]. St. Petersburg, 996 p. (In Russian).
- Fasmer M. R. (1968) Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: v 4-h t. T. 2 [Etymological dictionary of the Russian language: in 4 volumes. Vol. 2.]. Progress, Moscow, 672 p. (In Russian).
- Fasmer M. R. (1987) Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: v 4-h t. T. 3 [Etymological dictionary of the Russian language: in 4 volumes. Vol. 3.]. Progress, Moscow, 832 p. (In Russian).
- Hajdegger M. (2003) Bytie i vremya [Being and time]. *Folio, Har'kov*, 503 p. (In Russian).
- Kharlamova M. A. (2013) Narodnoe vospriyatие zhizni v leksikograficheskoj proekcii [People's perception of life in the lexicographic projection]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskij issledovanij*, no. 2. pp. 181–191 (In Russian).

Информация об авторе

Михайлова Ольга Андреевна

Аспирант кафедры русского языка, литературы и документных коммуникаций.

Омский государственный университет

им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, РФ.

ORCID ID: 0000-0001-5094-2205

E-mail: allellia@mail.ru

Autor's information

Olga A. Mikhailova

Postgraduate student of the Department of Russian Language, Literature and Documentary Communications.

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation.

ORCID ID: 0000-0001-5094-2205

E-mail: allellia@mail.ru